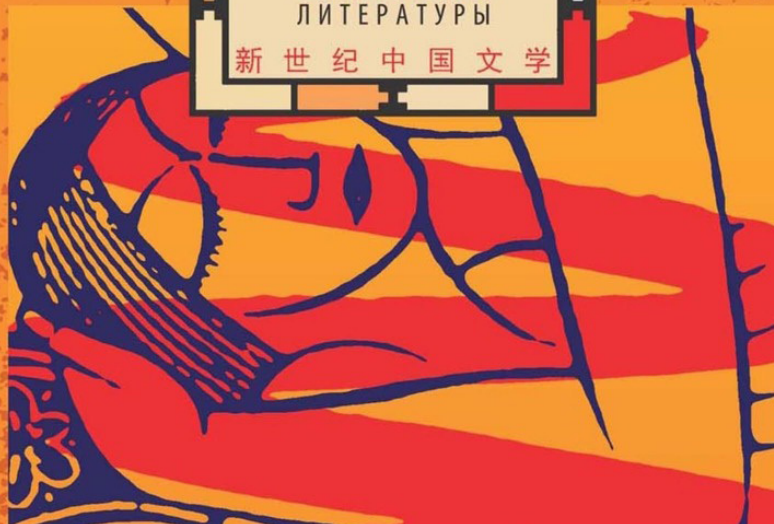

ЧЖАН СЮЭДУН ПОЦЕЛУЙ ЗМЕИ

НОВЫЙ ВЕК
КИТАЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

新世纪中国文学

Сюэдун Чжан
Поцелуй змеи
Серия «Новый век китайской
литературы», книга 7

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64130312
Поцелуй змеи: Издательский Дом «Гиперион»,; СПб; 2020
ISBN 978-5-89332-364-1

Аннотация

В сборник вошли три повести талантливого китайского прозаика Чжан Сюэдуна (р. 1972) – «Поцелуй змеи» (2017), «Закон Архимеда» (2018) и «Наперекор» (2019). Эти произведения написаны в реалистическом ключе, но отличаются неожиданными поворотами сюжета и увлекательно рассказывают о том, как непросто современному китайцу обрести себя, сколь сложен нравственный выбор, делающий человека человеком.

Содержание

Поцелуй змеи	5
1	5
2	28
3	46
4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Чжан Сюэдун

Поцелуй змеи

Сборник

© Zhang Xuedong, 2020

© О. П. Родионова, перевод, 2020

© ИД «Гиперион», 2020

ISBN 978-5-89332-364-1 All rights reserved.

16+

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поцелуй змеи

*Раненая любовь нередко обретает форму
ненависти.*

Милан Кундера. «Вальс на прощание»

1

Находившееся в излучине реки водохранилище, куда мы решили отправиться, сооружалось в шестидесятых-семидесятых годах прошлого века, как раз в то самое горячее время, когда велось активное преобразование природы. Как говорится, дружной работой можно свернуть горы, поэтому именно благодаря такому запалу здесь до сих пор в излучине стремительной реки с опасными перекатами возвышается плотина, которая, насколько хватает взора, тянется длинным рядом гигантских треножников, словно бы отлитых в бронзовом веке. Мы приехали сюда, поддавшись внезапному душевному порыву, здешний пейзаж нас, можно сказать, покори́л. С трех сторон водохранилище опоясывалось кольцом гор, в разгар лета покрытых пышной растительностью, оживленной ласточками и дикими утками. В реке резвились, выпрыгивая из воды, караси, белые амуры и толстолобики.

Наша компания прибыла на внедорожнике, захватив с со-

бой полный комплект рыболовных принадлежностей, зонты от солнца, все для гриля и целый ящик пива. Мы заранее условились, что никто из нас не возьмет с собой жен и детей, более того, сев в машину, каждый из нас должен был отключить мобильник, чтобы в кои-то веки приятно провести выходные. Едва мужчины достигают блудливого сорокалетнего возраста, они тотчас начинают тосковать о былых временах, поэтому вместо того, чтобы тратить личное время на людей, которые для них не так уж и важны, предпочитают собираться со старыми друзьями или сокурсниками. Преимущество таких сборищ состоит в том, что здесь все понимают друг друга без лишних слов, поэтому можно не осторожничать и даже отпускать непристойные шуточки.

Кто же думал, что Чжао Цзянь снова, как назло, опоздает. Продав его на обочине самое малое полчаса, мы наконец увидели, как он выплывает, поддерживая обеими руками свой огромный, точно на последних сроках беременности, живот. Приглядевшись получше, мы вдруг заметили возле его жирной ляжки прилепившуюся к нему, словно жвачка, красотку. Вышагивая нам навстречу, эта девица так нарочито вздымала свою грудь, точно рекламировала какой-то товар, выгодно подчеркивающий женские прелести. Один за другим эти двое голубков втиснулись в машину, и салон тут же наполнился удушливым запахом парфюма, от которого всем стало дурно. На первый взгляд эта фифа выглядела ничего так, но при более детальном рассмотрении ее лицо на-

чинало казаться несимметричным, и особенно удивляли ее круглые, словно персики, кокетливые глаза: поскольку они были расположены слишком далеко от переносицы, то возникало ощущение, будто в любой момент ее глазные яблоки могут выкатиться из орбит.

У Чжоу Цяна тут же сильно испортилось настроение. Глядя за окно, он скривил свои темные губы и сказал:

– Вечно ты копаешься, расхлябанный, как всегда. Знали бы раньше, что ты заявишься не один, мы бы тоже захватили с собой по девице.

Опередив с ответом Чжао Цзяня, криволикая девица обиженно хмыкнула:

– Неужто братцы тяготятся моим присутствием? Троим взрослым мужчинам скоро наскучит быть одним, немного погодя вы поймете, какой во мне толк.

Ее ответ напугал даже Чжоу Цяна: язык у современной молодежи совсем без костей. Он долго подбирал слова, прежде чем со смехом заявил:

– Не принимай это на свой счет, ты тут вообще ни при чем, просто у него без ругани уже не стоит.

Услышав это, Чжао Цзянь безжалостно схватил Чжоу Цяна за загривок:

– Эта красавица дело говорит, без нее мы не сможем оттянуться на полную катушку. Не поняли вы моих добрых намерений, а я ведь хотел как лучше!

С этими словами он повернулся к сидевшей рядом девице,

которая как ни в чем не бывало продолжала строить глазки. Она приоткрыла свои ярко-красные, словно готовые вот-вот загореться губки и премило спросила:

– Не слишком ли много у меня помады?

Чжао Цзянь тут же смягчился и заворковал – мол, его поцелуй поможет начисто избавиться от всякой помады. В ответ на его притязания девица напустила на себя возмущенный вид и, изящно сложив пальчики, чертыхнулась.

По правде говоря, нас раздражала степень близости, которую демонстрировала эта парочка. Из-за того, что теперь с нами в машине вдруг объявилась особа женского пола, мы уже не могли потрепаться на разные темы. Я знай себе следил за дорогой, а Чжоу Цян, словно стюард, еще раз призвал всех отключить мобильники, после чего, не зная, куда себя деть от скуки, прикрыл глаза, откинувшись на соседнем сиденье. Возможно, ему и правда не очень понравилась девушка, иной раз мужчинам вообще лучше встречаться без женщин.

В тот день водохранилище являло собой зеленую гладь без единой морщинки, издали оно, в обрамлении горных вершин, напоминало подвеску с огромным сверкающим жадитом. Благодаря безграничной милости Господа над нами возвышалось ясное до прозрачности, необъятное лазурное небо. Едва выйдя из машины, все принялись жадно дышать ртом, ведь в современных городах такой чистый, приятный воздух уже давно стал редкостью. Целыми днями мы само-

уверенно разъезжаем на своих машинах, и, наверное, только наши бедные легкие знают, как сильно мы обманываем себя и других. Похоже, уже забыв о недавних неприятностях, Чжоу Цян несколько раз сначала громко крикнул, повернувшись в сторону ущелья, а потом еще и по-волчьи завыл, вызвав странное раскатистое эхо, от дрожащего звука которого даже вода подернулась рябью.

– В таком месте и помереть не жалко, – заявил он.

Чжао Цзянь тут же, поддразнивая его, отозвался:

– Хорошо, что я подсуетился, и прежде, чем ты отправишься на тот свет, последние часы тебе скрасит такая очаровашка. Если ты окажешься под этим свежим цветочком, считай, что все удовольствия тебе гарантированы.

Уставившись на мужчин своими большими, широко посаженными глазами, девица сплюнула:

– Тьфу-тьфу-тьфу, хватит уже каркать, нашли о чем говорить, еще беду накличете!

Перешучиваясь, мы выбрали у прилегавшей к водохранилищу рощицы относительно ровный участок, быстренько поставили там палатку, повесили гамак и соорудили мангал. Все приготовления были закончены, и теперь оставалось надеяться лишь на хороший клев, чтобы насладиться превосходным обедом.

По части рыбалки самым искусным был Чжоу Цян, который обладал необходимой усидчивостью. Нахлобучив белую «найковскую» кепку, надев большие солнечные очки от

Ray Van и вооружившись коробкой сигарет, он мог спокойно просидеть на одном месте целый день, словно гора Тайшань, ни разу не оторвав задницу от насеста. Другое дело – Чжао Цзянь: шепутной по природе, он бурно реагировал на любое, даже легкое, шевеление, так что рыба успевала напугаться раньше, чем попасть на крючок. Поэтому обычно вся ответственность за ловлю рыбы ложилась на плечи Чжоу Цяня. Прежде чем взять удочку и отправиться на рыбалку, он сказал Чжао Цзяню:

– Эй, ты тут, прежде чем цветочек свой окучивать, сходил бы в рощу за хворостом.

В ответ Чжао Цзянь недовольно скривил губы:

– Я сегодня в роли ухажера, так что для заготовки хвороста и разведения костра потребуется кто-то более сведущий в подобных делах.

Я видел насквозь этого хитреца, который, взяв с собой девушку, теперь вроде как имел право отказаться от всяких дел. Само собой разумеется, я оставил этих двоих присматривать за палаткой, а сам отправился за хворостом.

Сухих веток здесь было сколько хочешь, так что уже скоро я собирал целую охапку. На обратном пути еще издали я заметил у кромки воды силуэт. Сколько я на него ни смотрел, он оставался совершенно недвижим, поэтому с самого начала я предположил, что это засевший рыбачить Чжоу Цян. Казалось, он – единственное живое существо, оставшееся в беззвучном, спокойном мире. Однако, когда я вернулся

к нашему лагерю, то обнаружилось, что Чжоу Цян все еще роется в багажнике. Я сложил хворост в сторонке и поспешил спросить его, что он ищет.

– Вот невезуха, утром впопыхах я забыл купить наживку! – ответил он.

Вид у него был печальный. Я спросил:

– Глянь, может у тебя найдется какая-нибудь лопата, чтобы накопать червей?

Чжоу Цян относился к категории тех самоуверенных людей, у которых по любому вопросу имеется собственное мнение. Когда мы учились в университете, то четыре года вместе прожили в одной комнате. В те времена финансовое положение в семьях каждого из нас было неважным, месячных талонов на питание почти всегда не хватало. Но на наше счастье прямо за общежитием находилось огромное колхозное поле, на котором с лета по осень чего только не росло, чтобы прокормить наши голодные рты: фасоль, огурцы, кукуруза, соя, морковь, картошка, а еще китайская капуста и салатная горчица – в общем, все, что выглядело для нас деликатесом. Ночью, не в силах заснуть от голода, мы при малейшей возможности пускались на любую авантюру, лишь бы наестся от души. Чжоу Цян всегда был заводилой, он часто брал нас с собой на дело: мы перелезали через высокую стену с двойным проволочным ограждением, после чего в кромешной тьме шли на поле за добычей. Такие лакомства, как кукуруза и соя, нам доставались без особого труда. Вернувшись

в комнату, мы варили их в электрокружках. В общежитии в этот час свет уже отключали, и пока в темноте раздавалось приятное бульканье, мы с замиранием сердца наблюдали за непрерывно поднимавшимся вверх паром. Помнится, от одного только запаха слюни у нас текли рекой. И хотя сейчас толстяк Чжао Цзянь держался нуворишем, в те времена он был голодный как волк и с утра до вечера ходил хвостиком за Чжоу Цяном. Будучи младше, он во всем ему подчинялся, а поскольку аппетит у него был самым большим, то Чжоу Цян частенько за него заступался и при дележке давал ему чуть больше, чем остальным.

Нахмурившись, Чжоу Цян ответил:

– Раньше у меня в багажнике действительно лежала саперная лопатка, специально купил на случай крайней необходимости в магазинчике, где продают все для пикника, но потом она куда-то запропастилась. И вот сейчас, когда она действительно нужна, ее нет.

Но, как говорится, живой человек всегда найдет выход из положения: в конце концов он вытащил из ящика с инструментами большую отвертку. Когда я вызвался пойти вместе с ним накопать червей, он, словно что-то прикидывая в уме, невзначай обернулся в сторону палатки и тут же напряженно сглотнул. Разодетая в пух и прах, к нам подкрадывалась красотка – наверняка она хотела нас напугать, но в результате напугалась сама и громко вскрикнула. Даже в этом ее крике прозвучали нотки кокетства, и мы оба, естественно, замерли

на месте.

– Что это вы там скрытничаете? Наверняка задумали какую-нибудь пакость!

Чжоу Цян поигрывал отверткой. Его и без того непроницаемое лицо, прикрытое длинным козырьком и большими солнечными очками, выражало ноль эмоций. Он принялся с головы до ног оценивать эту кокетливую девчонку.

– Тсс... – произнес он и, загадочно приложив кончик отвертки к своим темным толстым губам, продолжил: – Если тебе так хочется узнать, пойдем со мной. Слабо?

Судя по его высокомерному тону, он нарочито провоцировал ее.

– Хм, ну ты ведь не тигр, чтобы съесть меня, пойдем!

С этими словами девица с задиристо-безразличным видом прикусила ярко-красную пухлую губку. Поведение Чжоу Цяна изменилось еще тогда, когда девица только под села к нам в машину, а сейчас ему и вовсе словно вожжа под хвост попала. Иной раз его откровенность просто пугала и было непонятно, как вообще реагировать на его поведение. Но раз уж девушка сама охотно приняла его предложение отправиться за червями, то мне пришлось ретироваться.

На самом деле все складывалось прекрасно, мне даже хотелось, чтобы они помирились. В конечном счете, раз уж мы все вместе выбрались отдохнуть, то собачиться друг с другом совсем не резон. К тому же теперь я мог воспользоваться свободной минуткой и сходить за водой, чтобы хорошенько

вымыть машину. По дороге о ее лобовое стекло постоянно ударялись мошки и стрекозы, поэтому теперь все оно было усеяно их трупиками, мало того, от них осталась омерзительная желто-зеленая слизь, которую так или иначе следовало отчистить.

Видимо, услышав мои шаги, из палатки лениво высунул свою жирную башку Чжао Цзянь и спросил:

– Чжан Гэ, ты видел нашу красотку? Эта обманщица сказала, что пошла облегчиться, но ее нет уже целую вечность.

Я заметил, что он успел освободиться от рубахи: все его тело, за исключением белоснежных рук, было покрыто нависающими жировыми складками, и выглядело это ужасно.

Я покачал головой, прикидываясь, что не в курсе:

– Даже за своей девицей не в состоянии присмотреть! И не стыдно задавать мне такие вопросы?

Презрительно скривившись, Чжао Цзянь бросил:

– Чжан Гэ, вы сегодня с Чжоу Цянем прямо спелись, верно говорят: кому не перепало полакомиться виноградом, тот считает его кислым!

С этими словами он, словно гималайский медведь, выполз из палатки. Я заметил, что из широко расстегнутой ширинки у него выглядывают трусы цвета фуксии.

Для Чжао Цзяня этот год был так называемым годом судьбы¹. Еще во время праздника Весны², когда наша компания

¹ То есть его годом по звериному календарному циклу.

² Китайский Новый год по лунному календарю (обычно выпадает на конец ян-

собралась на пирушку, он с головы до ног облачился во все красное, исключением не стали даже носки. Чжоу Цян тогда еще над ним подшутил, мол, рано или поздно Чжао Цзяня ждет гибель от женщин. Его страсть к слабому полу была для всех очевидной. Всякий раз, когда мы посещали караоке-залы и подобные заведения, он был первым, кто предлагал заказать девицу. У него даже имелась присказка: если при тебе нет красотки – это все равно что выйти из дома без трусов. Разумеется, у всех мужиков при визитах в подобные места мысли работают одинаково, просто мы, в отличие от него, делали вид, будто нам это неинтересно. Однако всякий раз, когда он начинал хорохориться, мы тут же шли на попятную и соглашались, так что мысли у нас работали в одном направлении.

И все же договариваясь о сегодняшней поездке на водохранилище, мы жаждали не просто оттянуться – более важным было то, что это место хранило у нас прекрасные воспоминания о студенческой молодости. Когда-то давным-давно мы приезжали сюда нашей группой. В те времена никакого понятия о туристическом отдыхе как таковом еще не существовало, все мы были обычными нищими студентами, о поездках за границу тогда никто даже не мечтал, о личных средствах передвижения тоже говорить не приходилось. Поэтому парни нашей группы, вооружившись велосипедами, усадили на багажники девчонок, и все мы – несколько

десятков человек – полдня пилили сюда, галдя на все лады, пока наконец не отыскали этот райский уголок. Мы гуляли по горам, купались, готовили в роще еду на огне, потом у нас была вечеринка у костра, сон под открытым небом... Именно в тот раз в нашей компании образовалось сразу несколько любовных парочек, готовых отдаться друг другу без остатка. Мы с Чжоу Цяном тоже обрели тогда подружек. Разумеется, и Чжао Цзянь не остался от этого дела в стороне: скорее собака откажется есть свое дерьмо, чем он останется без подружки. Но только этот парень не был таким дураком, как мы, которые, что называется, сварив из сырого риса кашу, вынуждены глотать ее до сегодняшнего дня, хотя уже давно пресытились ее пресным вкусом. Чжао Цзянь никогда не мог остановить свой выбор на ком-нибудь одном. Помнится, во время выпускного одна девица, с которой он тогда дружил, страдала по нему до полусмерти, а он сказал нам по секрету: «Впереди еще будет куча возможностей, негоже мужику проявлять слабость в такие моменты». Эта его фраза нас тогда очень поразила.

– Что у тебя с этой красоткой? – спросил я его, пользуясь моментом. – Она хотя бы совершеннолетняя?

– А что еще может быть у мужчины и женщины? Будет тебе прикидываться! – ответил Чжао Цзянь.

Заметив, куда обращен мой взгляд, он недовольно застегнул ширинку, после чего сладко потянулся, что еще больше сделало его похожим на огромного медведя.

– Дивная погодка, если ничем таким не заняться, то будет даже обидно.

Говоря это, он пошарил взглядом по сторонам. Сначала я хотел прямо ему сказать, что девица отправилась вместе с Чжоу Цяном добывать червяков, но отчего-то вдруг решил замолчать этот факт. Вместо этого я спросил, не хочет ли он прогуляться со мной к водохранилищу и полюбоваться на окрестности. Он равнодушно ответил:

– Ну уж нет, в свой заслуженный выходной я лучше подремялю в палатке.

Разумеется, я догадывался о его истинных намерениях: сон тут был ни при чем, думал он исключительно о похабных делишках.

Тогда я оставил его в покое, а сам, захватив складное ведро, зашагал прямо к водохранилищу. По большей части вода сюда стекала прямо с гор, а в засушливые годы здесь иной раз проступало дно. В этом году с наступлением лета водохранилище напиталось щедрыми дождями, поэтому разлилось так, что противоположного берега было не видно. У самого склона из воды возвышалась каменная глыба, которая, видимо, скатилась с гор во время какого-нибудь давнишнего землетрясения. Сейчас над водой выступала лишь ее верхушка, которая издалека весьма напоминала голову огромной черепахи.

Я нагнулся и с трудом зачерпнул полведра воды. Тут мое внимание привлекла устроившаяся на глыбе возле самой во-

ды фигура: какой-то человек сидел, по-монашески скрестив ноги и погрузившись в созерцание. Он даже не шелохнулся, слившись с камнем в единое целое. Я невольно изумился: надо же, какой чудак: переться в такую даль, чтобы читать тут свои молитвы и медитировать! Однако со спины он совсем не был похож на кого-нибудь из тех же буддистов или даосов. Я тогда еще подумал, что у каждого свои причуды. Здесь так спокойно и безмятежно. Взять хотя бы нас. Мы специально добирались в такую даль на машине, потому как тоже приехали за спокойствием и безмятежностью.

В свободное время я люблю мыть машину вручную. Некоторые говорят, что физический труд у нынешних городских мужчин ограничивается лишь двумя вещами: сексом и мытьем машины. О первом мы подробно распространяться не будем, а вот машина – все равно что конь, можно сказать, твои вторые ноги, которые целыми днями носят тебя по всяким делам. Но еще важнее то, что машина является лицом хозяина, и, поскольку это касается репутации, выглядеть она должна соответственно.

Только было я смочил тряпку и принялся мыть стекло, как вдруг непонятно откуда раздался пронзительный визг, он прозвучал так резко и неожиданно, что я невольно замер и огляделся по сторонам. Немного погодя перед моим взором возникла та красotka – она напоминала самку оленя, опрометью выскочившую из лесной чащи. От страха она что было сил рассекала руками воздух, ее грудь высоко подскаки-

вала и мотылялась с такой силой, что, казалось, в любой момент может отлететь. Пестрое цветастое платье вздымалось на бегу, напоминая крылья бабочки и обнажая ноги – белоснежные до рези в глазах. Она уже практически выбилась из сил, но тут, похоже, по ее ногам хлестнула ветка. Жалобно вскрикнув и едва не задохнувшись от злости, она наклонилась, чтобы погладить ушибленное место. Ее длинные волосы водопадом свесились вниз, черным тюлем окутав трясущееся от страха тело.

Я метнул взгляд в сторону палатки: Чжао Цзянь, по всей вероятности, и правда заснул, его не разбудил даже недавний пронзительный крик. Немного подумав, я отложил в сторону тряпку и широким шагом направился к сидевшей на корточках девице. По всей видимости, она растянула ногу. Я присел рядом, чтобы разобраться, в чем дело. Едва я прикоснулся к ее левой лодыжке, она заверещала от боли и, словно глупенькая малодушная студентка, повалилась на траву. Когда я спросил, может ли она передвигаться, она отрицательно покачала головой, но по выражению ее лица не было ясно, так ли уж ей больно, или же она просто смущается. На самом деле мне очень хотелось спросить, из-за чего она испустила такой истерический вопль, но вместо этого я лишь помог ей подняться.

– Я хочу вернуться в город, – упрямо сказала она.

– Понимаю, но кому-то придется тащить тебя на спине.

Опершись одной рукой на мое плечо, другой она приня-

лась приводить в порядок растрепавшиеся волосы, от которых повеяло легким ароматом шампуня, скорее всего, «Head & Shoulders».

– Я действительно хочу домой, можешь меня отвезти?

Она высунула из-под распущенных волос бледное как полотно лицо и уставилась на меня своими широко расставленными глазами.

– Прямо сейчас? Но мы ведь даже еще не...

– Сейчас же! – приказала она, нагло выпучившись на меня с видом, не терпящим возражения. Она сильно кусала нижнюю губу, словно уже приняла решение. Я заметил, что ее помада наполовину стерлась и стала не такой яркой, как в машине. Видимо, кто-то уже постарался ее стереть. Неожиданно ее глаза затуманились слезами, веки дернулись и покраснели, казалось, она вот-вот заплачет. Это лишь добавило ей очарования и незащитности, что невольно пробуждало сочувствие. Однако ее настойчивость меня озадачила. Может, это просто болевой шок? Обычно современные девицы идут на близость по собственному желанию.

– Давай для начала я хотя бы донесу тебя до палатки.

С этими словами я повернулся к ней спиной, наклонился и вскорости почувствовал, как ее аппетитные груди крепко прижались к моей спине, а руки мягко обвили шею. Меня тут же обдало густым ароматом, мне даже почудилось, что я уменьшился в размерах. Охваченный неопишуемым волнением, я даже дышать стал быстрее. Меня вдруг посетила

мысль о том, что я уже сто лет как не позволял себе таких хулиганских выходов и не носил на закорках девчонок.

Не успел я сделать и нескольких шагов, как она ошарашила меня неожиданной фразой:

– Он хотел меня обесчестить!

– Кто?

– Кто же еще? Дружок твой долбанутый.

– Ты про Чжоу Цяна? Как такое возможно? Убей меня – не поверю, Чжоу Цян совсем не такой!

– Такой, не сомневайся. Он подцепил своей отверткой червя, поднял его и стал заставляя меня полюбоваться этим зрелищем поближе. Естественно, я не согласилась: меня воротит от таких гадостей. Тогда он как взмахнет рукой, и червяк каким-то образом попал прямо мне на шею. Ясное дело, я и заорала, а он принялся ржать и успокаивать: «Не бойся, не бойся, я сейчас его уберу». А потом... потом он взял и...

– Что же? Говори уже, что он сделал?

– Он взял и засунул руку мне за пазуху. Я-то думала, что он и правда хочет вытащить этого жуткого червяка, а он вдруг изо всех сил ущипнул меня... за грудь и собрался повалить меня на землю...

– Умолкни, не хочу этого слышать!

– А чего я такого сказала? Это все твой дружок. Да он самый настоящий подонок, за кого он меня принимает?!

На этот раз я не нашелся с ответом и начал уже понемногу верить тому, что говорила эта девица. Какой у нее резон об-

манывать меня? К тому же я слышал ее душераздирающий крик, что было лучшим из доказательств. Да этот Чжоу Цян наверняка рехнулся! Как можно посреди бела дня заниматься такими пакостями? Прямо стыдно за него. Но самое главное – эту девицу все-таки привез с собой Чжао Цзянь. Как гласит поговорка, не смей ставить жену друга в неловкое положение. Это уж совсем никуда не годится. Как он мог пойти против всех?! Я хорошенько подумал и с самым серьезным видом сказал:

– Давай ты пока не будешь все это разбалтывать. Я добуюсь для тебя справедливости, а ты запомни, что не надо говорить об этом Чжао Цзяню, иначе никому от этого хорошо не будет, поняла?

Ее груди весело и упруго колотили по моей спине, словно два подвесных грузика. Я думал, что она продолжит со мной пререкаться, но она вдруг замолчала, благодарно принимая мою помощь. Я уже был на последнем издыхании, когда почувствовал, как по шее у меня скользнуло что-то прохладное. Что это было: ее слезы или, может, просто подвеска?

Однако иной раз события развиваются в совершенно абсурдном ключе. Когда я с девушкой на закорках уже подходил к палатке, на нас неожиданно-негаданно вытаращился Чжао Цзянь.

– Что с ней? Что ты вообще себе позволяешь?

Такая его реакция тут же убила во мне всякие добрые намерения. Не успел я и рта раскрыть, как девица принялась

манерно хныкать, словно домогался ее не кто-то другой, а я.
– Ты лучше ее об этом спроси, мне объяснять нечего! – раздраженно бросил я в ответ и рассерженно зашагал к берегу.

Я не знал, как поведет себя эта девица: расскажет Чжао Цзяню все как было, а может, еще и приукрасит свой рассказ? Хотелось бы надеяться на ее здравомыслие, иначе все мои уговоры свелись бы к поговорке «метать бисер перед свиньями».

Вскоре на одном из пологих участков я нашел Чжоу Цяна. Он сидел как вкопанный и ловил рыбу: прямо из воды стоймя торчал красно-зеленый поплавок, изо рта Чжоу Цяна, то и дело загораясь ярким огоньком, выглядывала половина сигареты, из ноздрей сочился бледный дым. Несмотря на закрывающие глаза солнечные очки, было очевидно, что взгляд его задумчиво направлен вдаль. Во всем его облике читалось столько уверенности и спокойствия, что поневоле примешь его за человека, находящегося в зените карьеры и славы.

Я про себя еще подумал: «Твою мать, натворил дел, а теперь сидит, будто ничего не случилось». Прежде чем я успел устроить ему допрос, он вдруг цыкнул, призывая меня к тишине, и лишь произнес:

– Попалась.

Вслед за этим он распрямился и с силой рванул черную удочку. Водная гладь тотчас взбунтовалась, и по ней далеко

вдаль один за другим стали расходиться круги.

– Вот это рыбина, уж точно не меньше килограмма! Для начала надо как следует вымотать ее.

С этими словами он принялся осторожно то натягивать, то отпускать леску. Насаженная на крючок рыбина уже ясно показалась из-под воды: бороться было бессмысленно, разговор между рыбаком и его добычей всегда беспощаден.

– Эй, сломай пока какой-нибудь прутик, скоро понадобится ее насадить.

Никогда еще в своей жизни мне так не хотелось поступить кому-то наперекор, как в тот самый момент.

– Зачем ты это сделал? Неужели на белом свете совсем баб не осталось, раз ты стал домогаться именно ее!

Выпалив это, я и сам остолбенел. За двадцать лет приятельских отношений мы с Чжоу Цяном практически никогда не сердились друг на друга. С чего вдруг я понес всю эту чушь, заступаясь за какую-то девицу, которую знал не больше двух часов?

Чжоу Цян медленно повернулся и уставился на меня не менее удивленно, чем я на него:

– Чжан Гэ, ты совсем, что ли, рехнулся, ты что несешь?

Он выглядел совершенно невинно, однако это лишь усилило мое презрение. Как говорится, настоящий мужик должен отвечать за свои поступки. Если бы сейчас он искренне во всем признался, я, пожалуй, тут же простил бы его: в конце концов, мы оба мужчины.

– Ты прекрасно все понимаешь! Выпущенную стрелу не воротишь. – Казалось, в эту минуту мой язык уже мне не принадлежал. – Мне просто противно!

С этими словами я развернулся и пошел прочь, а за спиной у меня слышалось его возмущенное бормотание:

– Эх, да что сегодня вообще происходит? Такое ощущение, будто все белены объелись. Надо было прежде, чем куда-то ехать, изучить гороскоп...

Я к нему так и не повернулся. Меня беспокоил не столько этот гадкий инцидент, сколько то, что произошел он именно в этом месте, которое связано у нас с самыми прекрасными воспоминаниями. В душе я принялся винить Чжао Цзяня: вот кто стал главным зачинщиком! С его стороны было необдуманно брать с собой эту красотку, которая принесла лишь несчастье. Правду говорят про таких, как он: с жиру бесится! Прокручивая в голове все эти сумбурные мысли, я не останавливаясь шел вдоль нескончаемого берега водохранилища.

Именно здесь мы с моей женой приняли решение пожениться. В тот туманный вечер двадцать лет назад она искрилась, словно сверкающая петарда. Кульминацией вечера стали танцы у костра. Из магнитофона марки «Яньу», который мы по очереди держали на руках, пока ехали сюда, нескончаемым потоком доносились исковерканные звуки дискотечных мелодий. словно обезумевшие, мы скакали у костра и извивались на все лады, воздух сгустился от гормонов. Раз-

бившись по парочкам, мы хохотали, горланили песни и шутили. Разгоряченные ярким пламенем, наши глупые молодые физиономии распалились докрасна, и когда пленка в магнитофоне закончилась, народ даже не обратил на это внимания, поэтому никто не мог сказать наверняка, когда именно утихла музыка.

До сих пор я не в силах забыть полыхающую щеку своей любимой. За всем этим скрывались одновременно застенчивость и глупость, мечта и трусость. Мы неуклюже обнимали друг друга, чувствуя, как нас обдаёт мощной волной взаимного желания. Словно какие-нибудь воришки, мы шаг за шагом покинули площадку у костра и, пытаясь, что называется, утаить шило в мешке, укрылись в ближайшей темной рощице. В тот момент мы не произносили ни звука и, доверившись учащенному дыханию и бешеному сердцебиению, оказались во мраке пляшущих теней. Тут я заметил, что она печально прикрыла глаза и чуть приоткрыла губы, обнажив белоснежные зубки. Я почувствовал сладкий, манящий аромат, не удержался и принялся ее целовать. Мне казалось тогда, что я вкушаю нежнейший в мире плод, оторваться от которого не в силах, словно на всем белом свете не существовало лучшего удовольствия. До этого момента я еще никогда не находился с девушкой наедине и тем более не позволял себе никаких вольностей. Но самое главное то, что в ту самую минуту я принял твердое решение никогда в жизни не разлучаться с моей обворожительной подружкой.

Между тем Чжоу Цян тоже уединился со своей возлюбленной в травяных зарослях, где они без конца кувыркались и щебетали в свое удовольствие. Когда мы закончили целоваться и, взявшись за руки, пошли обратно, то как раз натолкнулись на них. К моему удивлению, Чжоу Цян, у которого самого рыльце было в пушку, оправляя на себе одежду, вдруг объявил, что застукал нас на месте преступления, и, более того, пригрозил, что расскажет обо всем декану. А я ему на это упрямо ответил:

– Прекрасно, тогда лучше нам сразу отправиться вместе, посмотрим, у кого кишка тонка...

Время пронеслось незаметно, звучавшие в тот вечер на магнитной пленке рок-н-рольные хиты вкупе с нашим молодым запалом слились воедино... И кто знает, возможно, наше сегодняшнее неудачное сборище было предопределено еще тогда.

Если бы не мое негодование, то я наверняка не встретился бы с тем таинственным незнакомцем. В тот момент, когда Лао Тань перепрыгнул на берег с похожей на черепаху каменной глыбы, я как раз угрюмо проходил мимо. На самом деле этого сидевшего на камне человека я заметил значительно раньше, но даже во сне мне бы не приснилось, что им окажется Лао Тань. Никто из нас не рассчитывал встретиться с ним. Мы знали, что в те годы на него обрушился ряд проблем, после чего он впал в депрессию, опустил и забился в свою скорлупу. Отыскать его было сложно, на телефонные звонки он никогда не отвечал, так что со временем всякие связи с ним оборвались.

Мы так долго с ним не виделись, что узнать его было непросто. Изменился он кардинально, даже, можно сказать, до неузнаваемости: вместо аккуратно зачесанных назад волос теперь блестела круглая лысина, и пускай кое-где на ней пробивалась жиденькая поросль, от черных волос уже не осталось и следа. Вид этих волосин грязно-белого старческого цвета сразу приводил на ум выражение «керосин иссяк, и лампа потухла». Лао Тань был облачен в серую традиционную рубашу с воротником-стойкой и воздушными петлями и в черные штаны из чесучи. На ногах его красовались сшитые вручную черные матерчатые туфли.

В тот миг, когда Лао Тань, целый и невредимый, появился передо мной в таком обличье, я не только сильно удивился, но поначалу даже отказывался это признать. Несколько раз подряд я произнес:

– Лао Тань, неужели ты, боже мой, и правда ты, Лао Тань!

Однако Лао Тань, в отличие от меня, даже губами не шевельнул. Когда повисла пауза, он лишь слегка качнул головой, бросил на меня совершенно отрешенный, затуманенный взгляд, после чего сразу устремил его куда-то в далекие дали, словно не привык отвлекаться на какие-то мирские вещи. А я все продолжал оглядывать его с головы до ног, изо всех сил пытаюсь отыскать в его наружности, одежде и манерах хоть какие-то следы прежнего Лао Таня.

С чего бы лучше начать? Чжоу Цян, который был в компании важной персоной, на самом деле нашим вожаком не являлся. Самым старшим по возрасту среди нас был не кто иной, как стоявший передо мной в эту минуту Лао Тань, а уже за ним в порядке очередности шли Чжоу Цян, я и Чжао Цзянь. Среди нас четверых Лао Тань считался самым утонченным. Лао Тань, имя которого полностью звучало как Тань Дун, в годы учебы любил копаться в эзотерической литературе. Он говорил, что его имя Дун в сочетании с фамилией Тань дает такое значение, как «стоячая вода», что звучит более чем неблагоприятно, и поскольку в этом имени зашифрован дурной знак, он подобрал себе похожее по звучанию имя Тань Дунь, которое, по его словам, станет своего рода

противоядием от несчастий. Нам казалось, что он немного не от мира сего: какие бы смыслы ни несли наши имена, все равно они являются не более чем символами. С другой стороны, если его родители не против, то пусть себе зовется как хочет. Уже потом мы узнали, что, оказывается, был очень известный дирижер, которого тоже звали Тань Дунь. В студенческие годы, когда мы только и думали о том, чем бы набить себе пузо, Лао Тань ходил с гладко зализанными назад волосами, словно какой-нибудь чиновник в присутственном месте. Он также выделялся манерой преподносить себя: даже если от голода у него урчал живот, он не терял своей интеллигентности и никогда не шел промышлять на поле вместе с нами. Всякий раз, когда Чжоу Цян или я подходили к его кровати с миской какого-нибудь блюда и просили отведать хотя бы кусочек, он, словно ученый муж, откладывал в сторонку книжку, неторопливо усаживался и, пренебрежительно окинув взглядом исходящее паром блюдо, наконец изрекал: «Ну, так и быть, попробую». При этом создавалось впечатление, что это он одаривает нас своею милостью, будто, если он не уважит нас и не попробует кусочек, то тем самым лишит нас лица.

Вместе с тем следует признать, что Лао Тань был настоящим экспертом в области любовных отношений. На тот момент он уже успел познакомиться с такими произведениями, как «Сон в красном тереме», «Анна Каренина», «Доктор Живаго», «Нора» и даже с горячим романом «Любов-

ник леди Чаттерлей». Так что в любовных делах он, разумеется, понимал побольше, чем остальные. Он мог настолько полно осветить теорию, что многие пацаны из нашей группы на полном серьезе приходили к нему за советом. Время от времени с его уст вдруг срывались какие-нибудь неожиданные фразочки типа: «Трудней всего общаться с женщиной и малым человеком»³ или: «Даже самая большая в мире любовь не может выдержать испытания временем, иначе мы бы не знали такого слова, как „развод“» – и т. д. В те годы в читальном зале университета предлагали журнал-полумесячник «Беседа», а поскольку Лао Тань перед сном обычно любил в темноте пофилософствовать и в чем-то нас просветить, то мы по аналогии стали величать его Полуночник Тань. Лао Тань новое прозвище принял с удовольствием, похоже, оно значило для него очень много.

Вероятно, еще не успев избавиться от жуткого настроения, я никак не мог представить себе на месте этого вялого человека того самого Полуночника Таня, который всегда выделялся своим красноречием. Наш так называемый обмен приветствиями вылился в мое соло, причем казалось, что мои волнение и ностальгические чувства не слишком приятны старому товарищу. Все это время Лао Тань лишь изредка поглядывал на меня, оставаясь таким же безучастным, как торчавшая из воды каменная глыба. Слушая мою трескотню, он ни разу даже не отреагировал, что вызвало у ме-

³ Цитата из «Изречений» Конфуция (гл. 17 «Ян Хо...», пер. И. И. Семененко).

ня еще больше подозрений насчет того, что не все, кажется, нормально в его жизни.

– Послушай, Лао Тань, а хочешь увидеть наших?

Вкратце обрисовав ему цель нашего приезда сюда, я понял, что говорить нам особо не о чем, поэтому, задавая этот вопрос, хотел лишь закруглить разговор. В ответ Лао Тань в полном молчании провел ладонью по своим волосам, а лучше сказать, по своей монашеской лысине. Казалось, он что-то обдумывает. Поглаживание мнимых волос выглядело абсурдно. Я прекрасно помнил, как в годы учебы Лао Тань перед занятиями быстро вытаскивал из потайного кармана куртки короткий коричневый гребешок и символически приглаживал свои и так уже прекрасно зачесанные волосы, после чего отработанным движением резко откидывал голову назад. Весь этот процесс он выполнял, что называется, без сучка и задоринки, на одном дыхании. Глядя на этого почти лысого типа средних лет, я почувствовал, как мои юношеские воспоминания словно замерзли от безжалостной стужи, они стали такими неподатливыми, что теперь их уже было не расшевелить.

– Можно, – скорее по привычке пресно выдавил из себя Лао Тань, разве только для того, чтобы не поставить меня в совсем уж дурацкое положение. Однако вслед за тем он добавил: – Давай так: покажи, где вы остановились, и я подойду чуть позже.

Я предположил, что это была обычная увертка с его сто-

роны и что на самом деле он даже и не думает потом никуда приходить. По его настроению и тону было видно, что он совершенно не горит энтузиазмом встречаться с кем-либо. Так или иначе, прошло слишком много времени с тех пор, как он отделился от нашей компании. Поэтому я с некоторым недоверием указал ему в сторону нашей палатки и машины, но для надежности все-таки назвал ему марку машины и описал цвет палатки. Напоследок я добавил, что для остальных встреча с ним будет настоящим потрясением. Вместо ответа Лао Тань лишь легонько кивнул, затем бесшумно развернулся и быстро удалился, словно простившийся с мирянином буддийский монах.

Да, в тот день у меня создалось впечатление, что я встретил не иначе как монаха-отшельника, его скупость на слова и необычное спокойствие практически выбили меня из колеи. Но тогда кто заставлял его быть Лао Танем, нашим соседом по комнате и вожаком? Моя сумасшедшая радость в первые секунды встречи теперь вдруг непонятно куда улетучилась и сменилась прежним смурным настроением. Для нас четверых эта встреча после стольких лет оказалась судьбоносной.

Сказать по правде, о Лао Тане я знал не больше, чем остальные. Похоже, что среди всех сокурсников женился он раньше всех и раньше всех развелся. Его избранница была известна тем, что любила покрасоваться. Всем, кто когда-либо видел ее, казалось, что она – типичная профурсетка. Потом у этой дамочки случился бурный роман с одним бизне-

сменом из Гонконга, и вскоре она отправилась вместе с ним на юг, где занималась коммерцией. Некоторое время от нее не поступало никаких известий, из-за этого Лао Таню было стыдно смотреть сослуживцам в глаза. Все ему намекали, что это не дело: ведь если жена убежала с другим мужчиной, то муж автоматически превращался в рогоносца. И вот в один прекрасный день его жена вернулась с твердым намерением развестись, при этом предполагалось, что и квартира, и сбережения остаются Лао Таню. И сын, разумеется, тоже. Но несмотря на то, что эта женщина ушла от него ни с чем, люди все равно считали, что жена обошлась с ним жестоко. После этого Лао Тань уже не участвовал в наших сборищах. Все понимали, что ему приходится опекать сына: быть в одном лице и отцом, и матерью – задача не из легких, так что мало-помалу про него просто забыли. В конце концов, на встречах выпускников принято пускать пыль в глаза и рассказывать, кто сколько трудностей преодолел, чтобы достичь определенных высот. Кому хочется говорить исключительно о своих поражениях? Такие социальные животные, как люди, то и дело исподтишка меряются друг с другом: сперва – успеваемостью и полученным образованием, потом – должностью, домом и машиной, связями и карьерным ростом. При этом счастливицы в душе самодовольно потирают руки, а неудачники впадают в хандру.

Когда же Лао Тань с большим трудом поставил сына на ноги, та дамочка возьми и заявись снова. Увешанная дра-

гоценностями, разодетая в пух и прах, ни дать ни взять состоятельная леди, на сей раз она принялась бороться за сына. Сперва она предложила Лао Таню кругленькую сумму, вполне достаточную для безбедного существования на всю оставшуюся жизнь. Такая беспринципность разозлила Лао Таня. На сей раз он решил, что будет гнуть свою линию до конца, поэтому клятвенно заверил ее, что намерен судиться. И вдруг, в самый ключевой момент распри, их сын пропал без вести. Сперва женщина не сомневалась, что это происки Лао Таня, который специально спрятал сына. Лао Тань в свою очередь подозревал подлые махинации со стороны бывшей жены. Пока каждый из них стоял на своем, им позволил незнакомец и сообщил, что их сын находится в руках бандитов, которые в обмен на пацана срочно требуют выкуп в двести тысяч наличными при встрече. А потом случилось страшное: из-за того, что бывшие супруги не смогли объединить усилия, замешкались и не выполнили условий бандитов, те пошли на крайний шаг и убили заложника...

Все эти годы, едва у нас заходила речь о Лао Тане, мы лишь, вздыхая, качали головами: ведь это уму непостижимо, он был таким умным и правильным, таким красноречивым, а тут не смог уступить какой-то бабе?

Часто бывает, что, неожиданно встречая кого-либо, ты особо не задумываешься, для чего нужна была эта встреча, а постфактум становится понятно, что все в этой жизни случается не просто так. Пока в голове моей крутились два об-

раза Лао Таня, прежнего и нынешнего, я, словно сквозь сон, добрал до нашего лагеря. Уже представляя, как сообщу приятелям эту удивительную новость, я вдруг обнаружил, что машина исчезла, а в палатке не осталось ни души, лишь валяются в беспорядке собранные мною ветки, которые, видимо, кто-то со зла распинал. Я даже не сомневался, что это сделал Чжао Цзянь. Когда я мыл машину, то забыл вытащить из замка зажигания ключ, так что наверняка он, разозлившись, посадил девицу в машину и укатил с ней обратно.

Ну и замечательно, ее изначально не стоило брать с собой. Вспомнив, что вот-вот сюда должен прийти Лао Тань, я подумал: если бы здесь осталась та девица, то атмосфера уже не располагала бы к нормальному разговору, а так волноваться в этом плане не о чем. В рощице царило полное безмолвие, полуденное солнце, пробиваясь сквозь листву, украсило палатку пятнистыми бликами. Я улегся внутри и, подложив руки под голову, любовался игрой света, похожей на мигание тысяч огоньков, и очень скоро в моей памяти снова отчетливо всплыли сцены из нашей далекой студенческой жизни.

Когда в общежитии выключали свет, стоило парням улечься на кровати, как разговоры начинали вертеться вокруг какой-нибудь девушки. Словно хирурги, мы совершенно беззастенчиво принимались в разговоре «расчленять» ее с головы до ног, подвергая тщательному анализу все части ее тела: глаза, нос, губы, подбородок, грудь, ягодицы и т. д. Конечно же, по большей части мы опирались лишь на свои

фантазии, поскольку никто из нас не имел возможности рассмотреть девушку во всех деталях. И пока мы наперебой делились друг с другом смелыми фантазиями, Лао Тань, словно высоkokлассный профи, вставлял какую-нибудь фразочку типа: «Ничего-то вы не смыслите. Оценивая женщину, прежде всего нужно обращать внимание на ее умение преподнести себя, а именно на ее изящные манеры: она должна быть сдержанной и элегантной, должна держаться с достоинством, соблюдать этикет. А вы обсуждаете женщин, словно какой-нибудь скот на рынке; не разговор, а сплошная пошлятина!» В общем, в самый разгар фантазирования Лао Тань словно окатывал нас ушатом ледяной воды, и мы раболепно повиновались ему, превращаясь в жадных слушателей. Наступало его время, время так называемого Полуночника Таня, и он просвещал нас, напоминая радиоведущего какой-нибудь поздней передачи для взрослых.

Частенько в такую минуту Чжао Цзянь начинал своим сиплым голоском изображать позывные центрального радио: «Пип-пип-пип, пошел последний отсчет, 22.00, время Полуночника Таня!» И тогда Лао Тань с самым серьезным видом прочищал горло и начинал вещать. Он говорил, что внешний облик женщины, безусловно, важен, женщина украшает себя для того, чтобы кому-то нравиться. Любимая наложница последнего правителя династии Шан⁴ Да-цзи была красива, словно ангел, однако нутро ее было хуже, чем у ехид-

⁴ VI–XI вв. до н. э.

ны. Подобные ей дамочки напоминают ядовитый цветок или отравленное вино: едва к такой прикасается мужчина, как его ждет верная смерть. Еще он рассказывал, что во всем романе «Сон в красном тереме» нет ни одного описания того, как выглядели грудь, ноги или ягодицы Линь Дайюй, однако никто не может отрицать, что она – самое очаровательное создание в мире и первая из красавиц. Однако такого рода женщины не принадлежат миру людей, Линь Дайюй – это фея, а раз так, то простому смертному она недоступна. Кроме того, он нам объяснял, почему Эмма из романа «Мадам Бовари» является классическим образом мировой литературы. Больше всего в этой героине читателя интригует то, что она то и дело распутничает с любовниками за спиной у собственного мужа, доктора Бовари. Между тем для своего времени она стала героиней, которая сломала все оковы, желая доказать, что женщина должна жить исключительно ради любви, даже если при этом ей приходится как мотыльку лететь на огонь... В те годы мы и правда узнали из уст Лао Тяня об очень многих вещах. Он был просто помешан на чтении и к тому же мог похвастать прекрасной памятью, поэтому в состоянии был говорить без остановки, а мы в свою очередь даже не сомневались: такой юноша, как Лао Тянь, в любви будет самым счастливым человеком на свете.

Вскоре с богатой добычей вернулся рыбак. Бухтя что-то себе под нос, Чжоу Цян подошел ко мне и без лишних слов шлепнул об землю нанизанный на ивовый прут улов. Я по-

нял его намек: каждый раз именно на мои плечи ложилась задача вымыть и выпотрошить рыбу. Поскольку лицо Чжоу Цяня закрывали кепка и солнечные очки, я не мог понять, продолжает ли он на меня сердиться. А чего он, собственно, хотел? Мы приехали сюда, чтобы как следует отдохнуть и повеселиться, а он ни с того ни с сего взял и выкинул такой номер, тут любой возмутится. Но когда я сказал ему, что неожиданно столкнулся с Лао Танем, Чжоу Цян тут же приободрился:

– Это замечательно, но как же ты его отпустил?

Тогда я объяснил, что Лао Тань пообещал через какое-то время подойти сам. Только тогда Чжоу Цян вдруг вспомнил про Чжао Цзяня. Когда я честно выложил ему свое мнение о том, что произошло, он мотнул головой, не придавая моим словам особого значения, и лишь тихонько пробормотал:

– Не мужик, а размазня, только и знает, что волочиться за юбками.

Настроение мое сразу улучшилось, в душе все больше крепла уверенность, что в недавнем разговоре с ним я несколько перегнул палку. Мне даже показалось, что, возможно, я зря его оклеветал. С другой стороны, какой резон был обманывать меня той девице? Ведь если ее обман раскроется, она опорочит саму себя. Однако точно так же, как протрезвевшим пьяницам не хочется вспоминать прошлое, мне ужасно не хотелось возвращаться к этому инциденту.

Я поднял с земли нанизанных на прут рыбин. Вопреки

ожиданиям, они все еще оставались живыми: едва я взял в руку проходивший через их рты ивовый обруч, как рыбешки, обвиснув на нем, тут же изо всех сил забились, отзываясь вибрацией в моей ладони. Рыбы не умеют говорить, в противном случае они бы сейчас истерично орали. Вот человек – точно не рыба: попробуй начини его притеснять, он тут же примется бороться и кричать.

Тут выяснилось, что все наши ножи остались в машине: этот негодяй Чжао Цзянь вместо того, чтобы хоть чем-то помочь, только все испортил. Пришлось придумывать способ, как можно управиться с нашей рыбой без ножа. Но, как говорится, человек может найти выход из любой ситуации, хорошо еще, что рыбины были не самые большие, и я сумел с ними справиться.

Когда я с горем пополам перечистил всех рыб и вернулся в лагерь, туда, верный своему слову, уже пришел Лао Тань, так что в этом плане он нас не разочаровал. Тут подоспел и Чжао Цзянь, уже без девицы. Из-за появления в нашей компании Лао Таня мы старались поддержать умиротворенное состояние, поэтому недавних неприятностей никто не вспоминал. Словно звезды вокруг Луны, мы собрались вокруг Лао Таня, снова и снова оглядывая его с ног до головы в попытке обнаружить в его внешности и манерах хоть какие-то зацепки, по которым можно было понять, что это тот самый Лао Тань из нашего прошлого. Будучи когда-то его соседями по комнате, мы с удивлением заметили, что теперь он окружен орео-

лом какой-то мистики, от его бывшего запала и красноречия не осталось и следа, он больше не претендовал на звание Полуночника Таня. Теперешний Лао Тань больше походил на измученного тяготами пути странника, в одиночку пересекавшего огромную пустыню, или на человека, обретшего мудрость через невзгоды и страдания.

Нам очень хотелось узнать, как жил он все эти годы. Разумеется, нам также была интересна судьба той женщины, что отняла у него полжизни, заведя в тупик и отчаяние. Мы задавали наводящие вопросы, которые требовали немедленной реакции. Поначалу Лао Тань отмалчивался. Он, скорее, напоминал извлеченное наружу ископаемое, покрытое толстым слоем глины: все свои душевные тайны строго хранил внутри себя. Весь наш разговор представлял собой бесконечные реплики и вопросы лишь от нас троих. На первый взгляд это выглядело как проявление повышенной заботы к старому товарищу, но, с другой стороны, наши приставания напоминали притязания горе-корреспондента, которому в кои-то веки выпала прекрасная возможность взять интервью и который теперь пытается выдавить из собеседника всю информацию до последней капли. В конце концов, видимо не выдержав столь интенсивного допроса, Лао Тань рассеянно откликнулся:

– Вам когда-нибудь доводилось видеть, как целуются змеи, а?

Мы переглянулись и разом покачали головами. Лицо Лао

Таня было светлым и открытым. Готовясь к длинному повествованию и сосредотачиваясь, он прикрыл веки, после чего медленно их открыл и устремил взгляд на затуманенные вдали горы.

Время словно обернулось вспять, переполненные ощущением дежавю, мы затаили дыхание, уставившись на Полуночника Таня, что так любил приглаживать свои безупречные блестящие волосы.

Лао Тань заговорил.

Однажды несколько лет назад, поздней осенью, когда его заела невыносимая тоска, он решил отправиться на водохранилище, чтобы развеяться. В те дни дожди лили не переставая, температура на улице уже упала, в горах было сыро и мрачно. Решив найти укрытие от дождя, он бродил по горам, пока случайно не наткнулся на один неприметный грот. Если бы на дворе стояло лето, то вход в этот грот было бы не найти, но поскольку уже близился конец осени, растительности стало заметно меньше, кроме того, из-за бесконечных дождей здесь образовались шумные горные потоки, один из которых размыл вход, так что теперь он стал заметнее. Недолго думая, Лао Тань вырвал мешавшие пройти сорняки и протиснулся внутрь. Несмотря на то что на входе грот был очень узким, буквально через несколько шагов пространство внутри неожиданно расширялось, напоминая брюхо тыквы-горлянки: там запросто могли усесться два взрослых человека. Едва Лао Тань успел обрадоваться такой находке, как вдруг

услышал какое-то жуткое шипение, отчего покрылся мурашками. Он тотчас понял, что дело дрянь. Нашупав зажигалку, он зажег ее и вытянул перед собой, пытаясь направить слабый огонек в сторону странного шипения. Наконец в самом дальнем углу он разглядел ослепительно белую подвижную кучу.

– Змеи! – вскрикнули мы в один голос, не дождавшись, когда это скажет Лао Тань.

Он спокойно кивнул в ответ и продолжил рассказ. В тот момент он так сильно испугался, что невольно попятился назад, продолжая украдкой посматривать на шевелившийся клубок: это были две змеи, толщиной с руку ребенка каждая. Их хвосты, свернутые в кольца наподобие соломенных веревок, лежали на земле, между тем как шеи были вытянуты высоко вверх, причудливо переплетаясь между собой. На самом верху, прильнув друг к другу клыками, колебались змеиные головы: ни дать ни взять влюбленные во время страстного поцелуя. Тут же Лао Тань обмолвился, что прежде ему доводилось лишь видеть, как милуется и спаривается домашний скот, собаки или кошки, но такое зрелище он наблюдал впервые. Больше всего его удивило то, что, несмотря на свет от зажигалки и на дрожащую на стене человеческую тень, змеи продолжали то, что делали, и даже не собирались нападать на захватчика их территории. Совершенно оторвавшись от окружающего мира, они самозабвенно переплетались друг с другом, словно обменивались ядом, и при этом

непрестанно шипели. Лао Тань был настолько очарован их любовной игрой, что застыл на месте как вкопанный, ему казалось, что змеи настолько сильно отдались своим чувствам, что разлучить их теперь было невысказано.

Мы были околдованы повествованием Лао Таня и слушали его, раскрыв рты от удивления и испуга. А Лао Тань, казалось, рассказывает все это самому себе, стараясь не повышать голоса, чтобы, не дай бог, не спугнуть этих самых змей.

Немного погодя он заметил, как одна из них вдруг замерла. Было видно, что она находится на последнем издыхании, наверняка ее убил ядовитый поцелуй. Между тем другая змея быстро высвободилась из пут мертвой, горя желанием метнуться вперед и выпустить свой яд на Лао Таня, так что, напуганный до полусмерти, он ринулся вон.

Еще долго перед нашим взором продолжали переплетаться эти жуткие змеи, пока мы соображали, что же хотел нам тем самым сказать Лао Тань. Неужели он просто хотел нас развлечь? Однако спросить его напрямую было неудобно. К счастью, расторопный Чжоу Цян уже успел запечь несколько рыбин, от которых исходил такой потрясающий аромат, что все просто истекали слюной. Само собой разумеется, первую порцию лакомства мы пожаловали Лао Таню. Однако он тут же замахал руками и, пару раз незаметно дернув ноздрями, объяснил, что много лет как вегетарианец. От рыбы он отказался, предложив нам угощаться самим. Пока мы ели, он сидел, прикрыв глаза, с видом человека, который очистил

свой разум и совершенно освободился от мирских забот. Из-за такого его поведения мы чувствовали себя какими-то ущербными, в результате наш долгожданный пикник выглядел немного абсурдно.

После того раза мы трое стали собираться заметно реже, но если все-таки встречались, то никак не могли обойти тему о Лао Тане. Каждого интересовала тайна, которую в тот день напустил вокруг себя сам Лао Тань, но нам так и не удалось вывести у него все до конца. По нашему общему мнению, Лао Тань сам по себе представлял одну большую загадку. Все минувшие годы эта загадочная личность жила за пределами нашего мира. И хотя он так же, как и мы, мог просто взять и отправиться на водохранилище, совершенно очевидно, что ездил он туда вовсе не для того, чтобы насладиться прогулкой на природе, – скорее, для того, чтобы уединиться: его целью было сосредоточение в естественной среде на своих мыслях в стороне от мирской суеты. Поэтому очень скоро мы забыли и про него, и про ту нашу поездку, которую и вспоминать-то не хотелось. Наша память удивительно избирательна: иногда мы забываем какие-то важные вещи и при этом упрямо храним в мыслях всякую ерунду. К тому же у наши дни всякий что есть сил держится за свое рабочее место, за свой источник дохода.

Взять, к примеру, нас троих: организация, в которой работал Чжоу Цян, как раз проводила конкурс на должности начальников отделов, и поскольку он входил в число претендентов, то день-деньской строчил всевозможные докла-

ды. Компания по недвижимости, в которой трудился Чжао Цзянь, только что заполучила лакомый участок земли, и он как директор отдела планирования сейчас проводил внушительную по размаху рекламную кампанию. И даже я, по сути являясь обычным госслужащим, по горло был завален самыми разными делами. Поэтому совершенно естественно, что личные дела другого человека отошли у каждого из нас на второй план.

Но как-то на меня разом насели и Чжоу Цян, и Чжао Цзянь. Причиной стало то, что я наконец закончил ремонт в своей новой квартире экономкласса. Как водится, теперь мне следовало всех пригласить, чтобы как следует повеселиться: в наших краях вообще принято зазывать к себе на обед друзей и родственников по случаю повышения или переезда. Наша квартира в сто с лишним квадратных метров наполнилась гостями, мы с женой только и успевали бегать по комнатам, угощая всех чаем, сигаретами и разными напитками, но все это были приятные хлопоты.

Чжоу Цян заявился пораньше, он принес в подарок два благопожелательных бонсай, изумрудная зелень которых радовала глаз своей нежностью. Тяжело пыхтя, он помог нам перетащить горшки на балкон. Он всегда отличался излишней щепетильностью, следуя правилу – лучше больше, чем меньше. За две-три минуты до застолья примчался запыхавшийся Чжао Цзянь. Это было в его духе, и исправить его не представлялось возможным. Чжоу Цян, увидав, что тот

явился с пустыми руками, намеренно его уколол:

– Некоторые знают, когда надо приходить, прямо-таки носом чувят.

– Да ты лучше скажи сразу, что я – собака, – ответил Чжао Цзянь.

Чжоу Цян засмеялся:

– Не стоит думать о себе так хорошо, я говорю про нашего однокурсника.

Оказавшись в центре всеобщего внимания, Чжао Цзянь, разумеется, сконфузился. Будучи достаточно полным, он сразу пошел красными пятнами, однако нашел в себе силы сдержаться. Он понимал, что сегодня не тот день, чтобы вступать в перепалку. Я боялся, что эти двое снова примутся бесконечно подкалывать друг друга, портя настроение окружающим, поэтому поспешил всех гостей позвать к столу, тем более что жена уже успела его накрыть. Открыв бутылку китайской водки, я доверху наполнил рюмки, но в тот самый момент, когда вся компания подняла их, чтобы чокнуться, весьма некстати раздался звонок в дверь. В тот момент его нудная мелодия «К Элизе» ничего, кроме раздражения, не вызвала.

Я побежал открывать дверь. К моему удивлению, на пороге стояли двое полицейских, вид у них был самый серьезный, на синих с красноватым отливом фуражках ярко блестели серебряные жетоны. Сказать вам, что я почувствовал в тот момент? Представьте, что вы спокойно себе сидите, грызете

семечки, и вдруг вам попадаетеся червяк – согласитесь, это неприятно! Сперва я подумал, что эти ребята просто ошиблись адресом, однако мне задали вполне конкретный вопрос:

– Не здесь ли проживает Чжан Гэ?

Я растерянно кивнул. Полицейский так внимательно осмотрел меня, что от его профессионального взгляда мне стало как-то не по себе.

– Мы пришли, чтобы кое-что прояснить, будем благодарны за содействие, – по-деловому коротко отчеканил один из них. – Вы знакомы с Тань Дунем?

В нерешительности я кивнул снова, а внутренне весь напрягся:

– Он мой сокурсник. С ним что-то случилось?

– С ним-то как раз все в порядке, а вот его бывшая жена пропала.

После такого ответа полицейского у меня сразу отлегло от сердца. Кто-кто, а эта вертихвостка меня волновала меньше всего.

– Можно пройти поговорить?

С этими словами полицейские кинули взгляд в гостиную. Я принялся бормотать, что у меня гости и сейчас не самое подходящее для разговоров время. Мне очень не хотелось нарушать застолье, однако полицейские обещали, что не отнимут много времени и что надеются на понимание. Последнее было больше сказано для проформы. Как говорится, служба есть служба, поэтому без лишних слов они прошли внутрь.

Наша гостиная была совмещена со столовой. Едва гости увидели полицейских, как их веселое настроение тут же словно ветром сдуло, можно подумать, я совершил какое-то преступление. Все удивленно уставились на полицейских, даже моя жена, которая все это время хлопотала по хозяйству, застыла с жирной лопаткой в дверях кухни. Напустив на себя самый невозмутимый вид, я призвал гостей угощаться. Когда ко мне подбежала жена, я шепнул ей, что все в порядке, и попросил, чтобы она побыстрее возвращалась к гостям. Сам я проводил полицейских в кабинет. Один из них тут же стал листать свой блокнот и, усевшись, словно хозяин, за моим столом, приготовился вести протокол. Его напарник продолжил разговор. По его вопросам было совершенно ясно, что он хочет, чтобы я охарактеризовал ему личность Лао Таня: как он проявлял себя в годы учебы, как у него складывались дела на работе, какие отношения у него были с бывшей женой и т. д. Я не видел необходимости что-либо скрывать, поэтому в кратком виде изложил все что мог. Под конец я на свою голову добавил, что у меня в гостях как раз находятся два других однокурсника Тань Дуня, так что какие-то детали можно уточнить у них. Полицейские такому сюрпризу весьма обрадовались и тут же вызвали для беседы Чжоу Цяна с Чжао Цзянем. Несдержанный на язык Чжао Цзянь как на духу поведал о нашей последней встрече с Лао Танем, обронив, что Лао Тань всегда казался ему не от мира сего. Но, не дав ему договорить, его перебил Чжоу Цян:

– А что, собственно, не так с Лао Танем? Ты на себя-то посмотри, прежде чем других оговаривать. В своем глазу бревна не замечаешь!

Чжао Цзянь, не думая сдаваться, огрызнулся в ответ:

– Зато ты у нас – человек высокой морали, а как же так вышло, что ты попытался изнасиловать девушку?

Я и подумать не мог, что эти двое прямо в присутствии полицейских начнут разоблачать пороки друг друга, поэтому поспешил разрядить обстановку:

– Ну что вы несете, зачем мешаете расследованию?

Однако полицейский, что задавал вопросы, тут же нахмурился и принялся сверлить взглядом то Чжоу Цяна, то Чжао Цзяня. Словно напав на след, он с непроницаемым видом вдруг выкрикнул:

– О каком изнасиловании речь? О чем вы?

Не дожидаясь, пока они снова раскроют рты, я постарался вывести их из затруднительного положения:

– Да мы тогда просто подкалывали друг друга. Вы же понимаете, что происходит, когда собираются старые приятели: ну выпили и, естественно, стали валять дурака, разве можно принимать это всерьез?

Говоря это, я как мог подмигивал Чжоу Цяну и Чжао Цзяню. Полицейский, вняв моим словам, дальнейшие расспросы прекратил.

Исчезновение бывшей супруги Лао Таня стало главной темой застолья. При этом все как один признавали, что такие

вертихвостки, как она, вполне заслуживают смерти и их розыски – дело лишнее. Мы не знали, чем ее исчезновение может грозить Лао Тяню, но, едва вспомнив, в каком положении он сейчас находится, дружно захотели выместить свою злобу вместо него. Поэтому я сказал:

– Верно говорят: как аукнется, так и откликнется, а что касается Лао Тяня, то у него еще все впереди. Давайте выпьем за то, чтобы вся вторая половина его жизни прошла без всяких проблем.

Чжоу Цян, вздохнув, ответил:

– Бедняга Лао Тянь, на всякого мудреца довольно простоты: взять и связаться с такой бедовой бабой!

Однако Чжао Цзянь такие слова возмутили, и он бросил в ответ:

– А разве он в этом не сам виноват? Без алмазного сверла фарфор не просверлишь.

Тут уже вспыхнул Чжоу Цян:

– Нечего наводить тень на плетень. Такое ощущение, что тебе, наоборот, хочется, чтобы у него были неприятности.

Чжао Цзянь с полным осознанием своей правоты продолжил:

– То, что я говорю, – факт. Он с самого начала мечтал лишь о том, чтобы его избранница была воплощением изящества и очарования, но вот чем это ему обернется, он совершенно не думал. Их брак сродни браку У Далана и Пань

Цзиньлянь⁵ – в нем изначально имелся корень зла.

Такое заявление и вовсе разозлило Чжоу Цяна. Едва не перевернув посуду, он шумно подскочил с места и без лишних слов направился к выходу. Я его остановил и принялся уговаривать:

– Что вы цепляетесь друг к другу? Ведете себя как торгаша на базаре.

Заодно я попросил прикрыть рот Чжао Цзяня. Эти двое испортили все застолье. Моя супруга потом то и дело меня упрекала:

– Эти двое словно два мула, их нельзя привязывать к одной кормушке. Таких вообще лучше не задевать.

В глубине души я и сам был на них рассержен: стоило их свести вместе, как они тут же затевали шумную потасовку до полного разгрома, а это грозило разрушить нашу давнюю дружбу.

Совершенно случайно я встретил ту красотку, которая в прошлый раз ездила с нами на водохранилище. Одета она была по последней моде и при этом по минимуму: едва прикрывающая ягодицы коротенькая юбочка и обтягивающий топик, больше похожий на лифчик. Образ дополняли распущенные, всклокоченные волосы. Выступала она, словно мо-

⁵ Герои романа «Цветы сливы в золотой вазе». Одним из известных сюжетов романа является женитьба У Далана на красивой, но распутной женщине Пань Цзиньлянь, которая впоследствии завела себе любовника и отравила У Далана. Характерной чертой У Далана, который молча сносит все оскорбления, считается бесхребетность.

дель по подиуму. Я узнал ее по широко расставленным большущим глазам. Наша встреча произошла в зале распродаж торгового центра «Ваньда». Эта фифа нарисовалась передо мной как раз в тот момент, когда я не знал, куда деть себя от скуки, пока жена занималась шопингом.

– Привет, красавчик, не узнаешь? – первая поздоровалась она.

Ее подмалеванные серебристыми тенями гляделки по своей проницательности ничуть не уступали глазам Сунь Укуна⁶, который, как известно, обладал способностью различать все тайное и явное, поэтому она узнала меня с первого взгляда.

– Ты чего, правда забыл меня? Ты ведь еще таскал меня на закорках там, на водохранилище.

Я был готов упасть в обморок от удушливого запаха ее духов, но все же заставил себя вспомнить эту девицу, как бы ни хотелось вычеркнуть ее из памяти. Я огляделся по сторонам. На счастье, жена все еще находилась в примерочной: подбирая себе новый наряд, женщины неуютимы. Показывая на ногу девицы, я заметил:

– Похоже, уже все в порядке.

Она на секунду замерла, а потом раскрыла свои ярко-красные губки и заливисто рассмеялась:

– Ха-ха-ха, ты про вывих? Уже и забыла совсем, я же тогда

⁶ Герой классического романа У Чэнъэня «Путешествие на Запад» (XVI в.), известный также как Царь обезьян.

просто пошутила!

Она произнесла это самым беззаботным тоном, который обычно включают, когда говорят о розыгрыше. На миг я даже оторопел: как такое возможно? Я ведь своими глазами видел тогда, как она сидит и не может подняться с земли. Между тем она явно продолжала потешаться над моим растерянным видом, ее смех звучал даже несколько наигранно.

– Кхэ-хэ-хэ, – заклохоталась она, словно молоденькая курочка, которая только что снесла яйцо. – Ну ты даешь, неужели ты такой доверчивый?

Не дождавшись моей реакции, она вдруг приблизилась и шепнула на ухо:

– Однако мне следует хорошенечко тебя отблагодарить, ведь среди всех ты оказался самым благородным! А самым невыносимым в этом плане я бы назвала того типа по фамилии Чжоу.

С этими словами она покачала вытянутым вверх большим пальцем с длинным-длинным ногтем ярко-фиолетового цвета. Она совсем сбила меня с толку. Меня вдруг осенило:

– Так, значит, тогда между вами ничего не было?

Услыхав вопрос, она и вовсе согнулась от смеха, словно у нее закололо в боку:

– Братец, ты такой смешной. На самом деле мне просто позвонили и срочно понадобилось вернуться в город, а поскольку я боялась, что Чжао Цзянь меня не отпустит, ты ведь знаешь, какой он зануда, то я и придумала трюк с этим типом

по фамилии Чжоу, который с самого начала воротил от меня морду. Я просто хотела его проучить. Кто позволил ему так обращаться с порядочными девушками? Я же не думала, что на мой крик тут же прибежишь ты...

Твою мать. От такой наглости я обалдел. Похоже, в тот день она обвела меня вокруг пальца, а я этого даже не почувствовал. Не успел я как-то отреагировать, как со стороны примерочной меня громко окликнула жена:

– Чжан Гэ, подойди скорее, глянь на меня. С кем это ты там болтаешь?

Девушка злобно засмеялась и подмигнула мне с кокетством:

– Братец, отомри уже, иначе плохо тебе сейчас придется.

Мне совершенно не хотелось как-то ей подыгрывать, поэтому я развернулся и, не оглядываясь, пошел к жене. Мне словно плюнули в душу. Ну что за люди, разве можно так далеко заходить в своих шутках! Тут же я вспомнил о собственном ребенке, которому вот-вот должно было исполниться двадцать лет. Что ни говори, а современная молодежь представляет совершенно иное поколение: разрыв между отцами и детьми столь велик, что его не в силах преодолеть даже лучший в мире из прыгунов. Я, человек, переступивший сорокалетний рубеж, столкнувшись с какой-то старлеткой-аферисткой, вдруг обнулil все свои умственные способности. Даже не вникнув в суть дела, я совершенно зря обидел хорошего человека, едва не поставив крест на нашей

многолетней дружбе. Похоже, вообще жизнь я прожил зря.

Кто бы мог подумать, что брошенные напоследок слова из уст девицы окажутся пророческими. Едва я подошел к жене, как она сделала огромные глаза и, словно какого-то воришку, принялась меня строго допрашивать, что это за девица и чего ей от меня понадобилось. Кроме того, она обиженно заметила: мол, если я осмелился с кем-то заигрывать прямо у нее перед носом, то сложно и представить себе, что я себе позволяю у нее за спиной. Но не мог же я взять и выложить ей всю правду. Пришлось наврать, что это просто незнакомая девица, которая спросила дорогу. Однако жена тотчас заподозрила неладное:

– Разве незнакомки прижимаются к уху и тем более хохочут так, что слышно за километр? Кончай уже морочить мне голову!

«Да разве я осмелюсь кого-то завести?» – подумал я, а сам в ответ просто засмеялся, прикидываясь полным дурачком. Хорошо еще, что мне удалось выйти сухим из воды. Я вдруг понял одну истину: в нынешние времена скорее следовало верить в то, чего не было, чем в то, что было на самом деле. Моя жена прекрасно понимала эту мудрость, поэтому всегда смотрит на мужчин с подозрением, даже если перед ней порядочный человек, но я к такому уже привык. Невольно мне снова вспомнился тот день на водохранилище. Сейчас мне приходилось пенять лишь на себя, что я доверился какой-то девчонке и на чем свет отругал Чжоу Цяна. Хорошо еще, что

он не принял это близко к сердцу, иначе мне бы пришлось потерять старого приятеля.

Бывает же такое родство душ: стоило мне вспомнить о Чжоу Цяне, как вечером он неожиданно мне позвонил и сказал, что хочет встретиться. Жена в последнее время вела себя так, словно у нее досрочно наступил климакс. Она пристально поглядела на меня, словно на вора, и еще более сурово, чем обычно, принялась сыпать упреками. По ее словам, я целыми днями только и мечтаю, как бы куда смыться, и вместо того, чтобы провести время с семьей, рвусь на какие-то гулянки, в которых она не видит никакого смысла. Я понимал, чего она опасается, поэтому сказал:

– Не беспокойся, я всего лишь встречу с Чжоу Цяном.
Жена не унималась:

– Снова эти твои однокурсники, никак в толк не возьму, для чего вы устраиваете ваши сборища. Только беспокоюсь, как бы в один прекрасный день вы все вместе не сели в калошу.

Удивительное дело, но я и сам не мог понять, как так выходило, что каждая наша встреча проходила не так радужно, как задумывалась вначале: у нас постоянно возникали какие-то сложности, неизбежно случался скандал. Однако уже скоро мы забывали обо всем плохом и с предвкушением ждали новой встречи.

Машина Чжоу Цяна стояла припаркованная у обочины. Не успел я подсесть к нему, как он резко газанул, и мы тут

же сорвались с места.

– Куда едем? – полюбопытствовал я.

Сперва Чжоу Цян хранил молчание и лишь смотрел за дорогой. Темные улицы казались тихими и незнакомыми, не будь освещения, город напоминал бы пустынное кладбище, и это нагоняло страх. Да и сам Чжоу Цян, который пока что не был настроен на разговор, похож был мертвеца, его застывшее серое лицо выглядело пугающе. Молчащий, он был как ночной город без освещения. Поскольку когда сидишь с кем-то рядом и при этом не общаешься, становится неловко, то, немного поколебавшись, я глухо произнес:

– В тот день, когда мы ездили на водохранилище, я и впрямь малость потерял рассудок. Не стоило мне доверять этой девице, ты уж прости, брат...

Никогда бы не подумал, что эта фраза дастся мне с таким трудом. У меня было такое ощущение, что слова намертво прилипли к моей глотке, ни в какую не желая выходить. Чжоу Цян лишь мельком взглянул на меня, при этом он выглядел настолько беспечно и самоуверенно, что, казалось, мое извинение было ему вообще до фени. Он посмотрел в зеркало заднего вида, а мне так ничего и не ответил. Ну и ладно, в любом случае, я высказал то, что хотел: все-таки между старыми друзьями не должно оставаться недопонимания.

– Помнишь выражение лица полицейского? – наконец произнес Чжоу Цян. В его голосе слышалась некоторая оза-

боченность.

– Что? – Я совершенно не понял, о чем он.

– Я говорю про Лао Таня. Не знаю почему, но он уже снится мне две ночи подряд.

Сердце мое екнуло. По правде говоря, после того визита полицейских я не на шутку волновался за Лао Таня, однако мне не хотелось думать ни о чем плохом, иначе это было бы несправедливо по отношению к Лао Таню.

– Ты думаешь, исчезновение этой женщины как-то связано с Лао Танем?

На самом деле, задавая этот вопрос, я не ждал никакого ответа. Но тут Чжоу Цян наконец повернулся и, внимательно посмотрев на меня, спросил:

– А ты считаешь по-другому? С чего вдруг мы понадобились полицейским?

Мы снова замолчали. Наверное, нам вообще не стоило мыслить в таком направлении. Выждав какое-то время, Чжоу Цян снова заговорил:

– На самом деле мне та девица особо и не мешала, просто хотелось преподнести урок Чжао Цзяню. Когда я отправился вместе с ней копать червей, то стал ее дразнить: мол, что может быть общего у такой очаровательной девушки с Чжао Цзянем, ведь этот жирный боров ничего, кроме отвращения, не вызывает. Однако ей мои слова не понравились. Ха-ха...

Смех его прозвучал как-то бесстыдно, однако мне не хотелось вдаваться во все эти глупости. На самом деле все мы,

на мой взгляд, вели себя несколько бесстыдно. От нашей чистой студенческой дружбы давно уже не осталось и следа, каждая наша сходка лишь подтачивала наши отношения, делая их все более пресными и бессмысленными.

Когда мы проезжали мимо дома Чжао Цзяня, я спросил:

– Возьмем Чжао Цзяня с собой?

Но Чжоу Цян лишь хмыкнул и сказал в ответ:

– А на кой он нам сдался? Он такой тяжелый на подъем, да и поговорить с ним не о чем.

Похоже, Чжоу Цян уже и правда испытывал отвращение к Чжао Цзяню, и от этого становилось немного грустно.

Пока мы изо всех сил колотили в грязную дверь, которая, казалось, вот-вот развалится на куски, из-за двери квартиры напротив доносился яростный собачий лай – собака явно жаждала с нами разобраться. Решив, что пора уже оставить эту идею, я сказал:

– Хватит уже. Все эти годы Лао Таня носит непонятно где, вряд ли он сейчас здесь живет.

В ответ Чжоу Цян поднял кулак, чтобы сделать последнюю попытку достучаться до хозяина, но в этот самый момент за нашими спинами вдруг распахнулась металлическая дверь, из-за которой показался темно-серый шарпей. Если бы не надетый на него черный кожаный поводок, который изо всех сил тянула на себя хозяйка, тот уже бы точно не оставил на нас живого места. Черные глаза шарпея еле выглядывали из-под толстых складок, оскаленная морда на-

поминала физиономию дряхлого старичка, однако, пользуясь покровительством хозяйки, он бесновался, заставляя нас трепетать от ужаса, – казалось, вот-вот он бросится на нас и разорвет в клочья. Перепугавшись до смерти, я спрятался за спину Чжоу Цяна, который не растерялся и даже прикрикнул на пса:

– Чего лаешь? Только попробуй еще гавкнуть!

Хозяйка, словно заразившись от собаки, вся кипела от злобы. И тут из ее уст вырвалась странная фраза:

– Хозяев этой квартиры нет в живых, чего стучать!

Мы замерли на месте, а женщина с заливающимся шарпеем на поводке стала спускаться вниз по лестнице. Чжоу Цян вынул свою визитку и просунул в дверную щель, объяснив, что делает это для того, чтобы Лао Тань хотя бы знал, что мы к нему приходили. После этого мы тоже сбежали по ступеням вниз и вышли из подъезда.

Обретя кратковременную свободу, пес водил черным блестящим носом по земле и зарослям. Время от времени он комично задирал заднюю лапу и, весь дрожа, старательно метил какое-нибудь деревце или угол дома. При этом казалось, что у него имелся особый замысел: словно делал он это вовсе не для того, чтобы просто облегчиться, а чтобы успеть оставить этому миру хоть какое-то послание. Хозяйка собаки в это время стояла неподалеку, размахивая руками и разминая ноги, будто другого времени позаботиться о своем здоровье, кроме как во время этих прогулок, у нее и не было.

Когда мы с самыми добрыми намерениями приблизились к женщине, она настороженно завершила комплекс упражнений и демонстративно сложила руки на груди. За вырезом свободной пижамы угадывались пышные тела. Поэтому Чжоу Цян миролюбиво обратился к ней, назвав сестрицей, и объяснил, что мы, однокурсники Лао Таня, всего лишь хотим узнать, как у него дела. Тогда дамочка наконец-то соизволила посмотреть нам прямо в глаза. Однако настроена она была по-прежнему мрачно и воинственно, словно соседство с семейством Лао Таня было для нее несчастьем. Похоже, даже говорить о нем ей было неприятно.

– Верно говорят: хорошего человека – обижают, а хорошую лошадь – седлают. Лао Тань – тряпка, а не мужик, избаловал свою бабу так, что та всякий стыд потеряла. По таким, как она, сразу видать, что из себя представляют: ходит – извивается на все лады, переодевается по сто раз на день, а размалевана не меньше, чем актеры пекинской оперы. Раньше за ней то и дело заходили какие-то непонятные типы: бывает, как уйдет вечером, так среди ночи только возвращается, уж не знаю, на каких там она еженощных танцульках пропадала. Пока до квартиры доцокает на своих каблуках, весь народ в доме перебудит. Одно время Лао Тань даже оставался на работе сверхурочно – наверняка чтобы просто побыть в тишине. Потом, когда у них появился сын, – по мне, так она его с кем-то нагуляла, – Лао Тань скакал от счастья и всего себя посвятил его воспитанию и образованию. Поскольку

этой fifы практически не было дома, я несколько раз пыталась его убедить, что с женой следует обходиться не иначе как с тестом: чтобы она была послушной и мягкой, следует хорошенечко вытянуть ее скалкой! А этот Лао Тань ни по-хорошему, ни по-плохому не понимает, еще и несет какую-то чушь про то, что супруги должны взаимно уступать друг другу, что нельзя подходить к вопросам с точки зрения классовой борьбы. Такое ощущение, будто человек умом тронулся.

Начав разговор, женщина говорила без умолку, словно наконец-то ухватила за возможность разнести соседа в пух и прах.

— Посудите сами, легко ли было вырастить такого хорошего парня, который уже успел пойти в среднюю школу. При этом надо сказать, что мальчишка у него был замечательный: при встрече со всеми здоровался, в учебе никаких хлопот отцу не создавал, на экзаменах получал самые высокие баллы. Одно непонятно: как такой ребенок мог появиться у подобной шалавы? Куда смотрит Всевышний? А мне вот кажется, что главный виновник во всей этой истории — сам Лао Тань. Если бы он прислушался к добрым советам, порвал бы с женой да нашел нормальную бабу, не случилось бы такой жути. Не клином же свет на ней сошелся. И знаете, что он мне на это ответил? Что супруги должны прощать друг другу все ошибки, иначе невозможно жить на этом свете. Хм, но здесь-то речь уже не о терпимости, а о попустительстве!

Болтовня этой дамочки нам порядком поднадоела, одна-

ко здоровое зерно в ее словах имелось. Похоже, читать слишком много книг бывает во вред, иной раз человек от этого становится только дурнее. И Лао Тань являлся тому нагляднейшим примером. Наконец женщина подытожила:

— На самом деле Лао Тань очень сильно любил свою жену. В те годы все семейные обязанности лежали на его плечах: и в магазин ходил, и газовые баллоны менял, и ребенка провожал и встречал. Редко кто из соседей видел его жену хотя бы с легкой авоськой, в этом смысле Лао Тань был образцовым мужем...

На обратном пути мы не удержались и принялись вспоминать свадьбу Лао Таня. На самом деле со всеми приготовлениями ему помогали мы. На тот момент мы ему очень завидовали: он первым покинул ряды холостяков, женившись на потрясающей красавице. Помнится, в тот вечер мы устроили для новобрачных шуточные испытания, во время которых Лао Тань продемонстрировал необычайную застенчивость, что оказалось для нас настоящим сюрпризом: от бывшего эксперта в любовных отношениях не осталось и следа. Когда предлагалось пройти через такие испытания, как совместное поедание молодоженами подвешенного в центре комнаты яблока, или когда жениху следовало вытащить из лифчика невесты спрятанное там яйцо, сконфуженный Лао Тань ни в какую не хотел выполнять эти задания и едва не вывел всех из себя. Он вел себя так, словно перед ним стояла не будущая жена, а тигрица, к которой он боялся даже прикоснуться.

ся. А вот невеста, не в пример ему, держалась очень раскованно, безоговорочно выполняя все задания. Казалось, придумамай мы что-то еще более хулиганистое, она все равно бы с радостью согласилась. При этом она выразительно косилась на Лао Тяня, как бы говоря: «Кончай уже ломаться, словно девица. Ведь все эти задания и задуманы для того, чтобы заставить нас обниматься или целоваться. Что тут такого?»

На самом деле в тот вечер десять с лишним лет назад все так и было. Пассивность и нежелание Лао Тяня поддержать наши шутки привели к тому, что в итоге нам пришлось проявить силу. Раз за разом мы хватали его за загривок, принуждая к действиям, так что вся шея у него побагровела, а сам он кричал, словно его жестоко пытали. Потом мы решили поставить его в непристойную позу самолетика⁷, которую обычно применяли во время критики особо упрямых классовых врагов. Однако он напоминал настоящего революционера, который предпочитал гибель капитуляции, он легче бы умер, чем согласился. Все это время его абсолютно невозмутимая невеста, томно закинув ногу на ногу, восседала на ярко-красном свадебном ложе, щелкая пряные дынные семечки, – нехороший знак, предвещающий проблемы. Нам эта девица показалась черствой: нельзя же так бесстрастно наблюдать, как измываются над твоим любимым человеком, следовало проявить хоть каплю жалости, да ей, похоже, даже в голову такое не приходило. Чуть позже, не вынеся всех

⁷ Напоминает позу раком.

этих забав, Лао Тань воспользовался подходящим моментом и сбежал, причем исчез бесследно, словно улетел на золотом луче⁸. Из-за этого нам потом пришлось, словно совам, в крошечной тьме отправиться на его поиски.

С позиций сегодняшнего дня можно определенно сказать, что его побег в первую брачную ночь уж точно был дурным знаком. Подумайте сами, как мог молодой супруг оставить свою красавицу жену в столь важный момент жизни и сбежать? Похоже, именно из-за этого поступка Лао Тань сильно упал в глазах своей жены. Так или иначе, можно представить, каково приходится мужчине, если его презирует женщина. Сами мы разошлись по домам примерно в два часа ночи: сидеть в комнате новобрачных в отсутствие Лао Таня с этой зевающей девицей, в заспанных глазах которой читались отвращение и негодование, словно ее опозорили, не было никакого смысла. Когда мы уходили, она даже бровью не повела. Возможно, мы тогда и переборщили со всеми этими шуточками, но нам просто хотелось повеселиться и ничего больше.

⁸ В китайском фольклоре герои часто используют золотой луч для перемещения в пространстве, например, такое часто проделывал Сунь Укун – герой романа «Путешествие на Запад».

Той осенью мы решили провести встречу выпускников на природе, а именно на водохранилище. Как-никак двадцать лет – серьезная дата, всем захотелось на старом месте освежить прежние чувства, так что наша огромная компания из тридцати-сорока человек прикатила сюда на своих машинах из самых разных уголков Китая. Роща заполнилась пестрыми палатками, в тени деревьев мелькали женские и мужские фигуры, радостные возгласы разносились волна за волной. И хотя мы втроем недавно устраивали подобную вылазку, общая встреча выпускников, во время которой можно было увидеть столько знакомых лиц, казалась совершенно особенной. Мы были настолько взволнованы, что галдели как дети и горячо обнимались, невзирая на пол. На сей раз мне, разумеется, пришлось взять с собой жену, равно как и Чжоу Цяну. Вообще говоря, брать на такие встречи домочадцев не принято, но в нашем случае ситуация была особенной, поэтому как женились мы на своих однокурсниках. Чжао Цзянь неустанно отпускал по этому поводу шуточки: «Ваши умственные способности никуда не годятся, самое большее, на что вас хватило, так это на любовные страсти, поэтому в уверенности вы ни о чем не думали, кроме как о поиске девчонок». Мы не возражали, лишь парировали: «А некоторые прожоры целыми днями только и думали, как бы насытить свою

утробу, в результате откормили себя до состояния *rigдуна*»⁹. Чжао Цзянь в ответ на это гордо похлопал себя по пузу и сказал: «В животе первого министра найдется место, чтобы плыть на лодке»¹⁰. Чжоу Цян тут же недовольно фыркнул: «В утробе невежды такого места тоже немало», на что все окружающие тут же рассмеялись. Итак, все мы, не скупясь на слова, вспоминали старые времена, фотографировались, угощались, играли в застольные игры на пальцах. Несколько человек, что успели напиться вдрызг, разместили по палаткам, где они забылись мертвецким сном, а остальные все никак не могли наговориться.

И тут кто-то снова вспомнил о Лао Тане: мол, на эту встречу удалось созвать всех, кроме него, и это досадно. Атмосфера тут же стала несколько гнетущей, смех и радостные голоса затихли, все словно по команде замолчали. Вечно этот Лао Тань неожиданно-негаданно всплывал в наших разговорах, портя всем настроение. Моя жена, не желая развивать мрачную тему, тихонько пощекотала мою ладонь, давая знак глазами, – мол, хорошо бы пойти прогуляться. Честно гово-

⁹ Английское «*rig*» (свинья) звучит как китайское слово «задница» или «газы» (пигу, пигэ).

¹⁰ Данное выражение восходит к истории об известном историческом деятеле Ван Аньши (1021–1086), занимавшем должность первого министра. Его молодая супруга, изменившая вечно занятому мужу со слугой, моля о пощаде, обратилась к Ван Аньши со словами, которые впоследствии стали крылатым выражением: «В животе первого министра найдется место, чтобы плыть на лодке». Иносказательно это означает щедрость и великодушие.

ря, мне тоже не хотелось говорить о Лао Тане, поэтому я был рад присоединиться к жене.

Гуляя по рощице, мы держали друг друга за руку, давненько мы не испытывали такого: было ощущение, что мы не супруги со стажем, а парочка недавно познакомившихся влюбленных. Неожиданно жена обратилась ко мне с вопросом:

– Ты помнишь, какие слова говорил мне тогда?

Я немного растерялся. Обычно женщины задают довольно странные вопросы: прошло уже двадцать лет, как же я могу помнить все, что случилось за это время? Она медленно шла, в задумчивости опустив голову и явно ожидая какого-то ответа. Тогда я проямлил:

– Наверняка клялся тебе в вечной любви.

– Зануда!

Жена резко сжала мне руку, в ее голосе слышалось недовольство.

– Пойдем найдем то дерево.

– Что? Какое еще дерево? – не понял я.

В ответ жена без лишних слов потянула меня куда-то в глубь рощи. В прошлый раз, когда я приезжал сюда с Чжоу Цяном и Чжао Цзянем, мы останавливались в этой рощице, и именно здесь я таскал на закорках ту девицу, которую тогда действительно пожалел. И сейчас, когда к этому же самому месту меня тащила жена, я вдруг заподозрил, что она уже давно обо всем догадалась и теперь хочет преподать мне

урок. Я без особого желания плелся за ней, перемещаясь от одного дерева к другому. Всякий раз, когда жене попадался особо крепкий экземпляр, она замедляла шаг и принималась ходить вокруг него, высоко задрав голову, словно пытаюсь найти в обшарпанной коре какой-нибудь прекрасный бриллиант. Потеряв всякое терпение, я предложил:

– Может, вернемся уже, чего тут высматривать?

Но жена вдруг напустила на себя такой строгий вид, что от напряжения у нее даже покраснел подбородок.

– Хм, твоя забывчивость сродни предательству, неужели ты и правда все забыл?!

С этими словами она возмущенно бросила меня и без оглядки рванулась вперед. Мне показалось, что она немного не в себе. Возможно, на нее просто так подействовала встреча выпускников. Мне ничего не оставалось, как набраться терпения и следовать за ней дальше.

Вскоре роща стала более густой, свет заметно потускнел, щебет птиц то приближался, то удалялся, напоминая чьи-то бредни во сне. Перед моими глазами стали мелькать картинки из далекого прошлого: взявшись за руки, мы пробираемся в эту непроходимую рощу; вот моя будущая жена стоит с закрытыми глазами, чуть приоткрыв алые губы. Я даже почувствовал сводящий с ума аромат, от которого удержаться не было сил... Едва я вспомнил все это, в душе моей словно что-то всколыхнулось, словно щелкнул какой-то переключатель, у меня даже перехватило горло, так что при-

шлось сглотнуть.

– Эй, подожди, не беги так быстро!

Выкрикнув эту фразу, я припустил за ней со всех ног и, догнав, крепко обнял со спины. От испуга она не только не ответила на мои ласки, но еще и недовольно пробурчала:

– Что на тебя нашло средь бела дня?..

Не успела она договорить, как я резко прильнул к ее губам. Она изумленно уставилась на меня, пару раз трепыхнулась, пытаясь вырваться, но под моим неожиданным напором тут же обмякла...

Удивительное дело, вот уже столько лет подряд мы привычно тянули лямку супружества, словно единственной нашей целью было воспитание дочери, ни о чем другом как-то и не думали. На собственные желания привыкли смотреть сквозь пальцы, так что в большинстве случаев мы делали друг другу что-то приятное больше из вежливости. Даже если иногда и занимались любовью, то, сделав дело, тут же отворачивались и засыпали, забывая про романтические прелюдии и нежности перед сном. Но сегодня впервые за долгие годы мы испытали настоящую трепетную радость и ликование. Мы лежали на мягком, влажном покрывале из листьев, на наших телах играли проникавшие сквозь листву солнечные блики, словно их специально пускал своим зеркальцем какой-нибудь мальчишка-хулиган, отчего то и дело хотелось замуриться, и нам было по-настоящему хорошо.

– Скорее, скорее глянь туда, что это? – вдруг закричала

жена, показывая на одно из деревьев.

Я, щурясь, посмотрел вверх:

– Да это же самый обычный тополь, с чего столько восторгов-то?..

Но не успел я закончить, как она нетерпеливо поднялась с земли и направилась к дереву. С волнением тыча в грубую кору ствола, она произнесла:

– Да взгляни же, наша надпись. Боже мой, ее все еще видно: «Чжан Гэ, Сяо Минь, любовь навеки!» – восторженно, словно молоденькая девчушка, прочла она, делая паузу после каждого слова.

Удивившись, я тоже поднялся, чтобы посмотреть на эту надпись. Вырезанные на коре иероглифы напоминали грубые шрамы, а поскольку все эти годы они вытягивались, меняя свои очертания, то теперь создавалось ощущение, что данное творение имело не рукотворное происхождение, а волшебное – было магическим шедевром, созданным самой природой. Я прямо-таки не мог поверить собственным глазам: все точно, здесь действительно остались наши с женой имена! Поневоле я погрузился в туман обрывочных воспоминаний, покрытых толстым слоем времени. Мое прошлое напоминало медленно вытянутый волосок, я практически забыл, что произошло в тот год. После того как я признался своей будущей жене в любви, она попросила меня поклясться Небесами, тогда я сказал, что буду любить ее всю свою жизнь. Однако она капризно заявила, что мои слова не за-

служивают доверия, и потребовала письменного свидетельства. Тогда мне в голову пришла неожиданная идея: я вынул лежавший в кармане ключ и нацарапал им на коре молоденького деревца два ряда кривеньких иероглифов. Кто бы мог подумать, что через столько лет они вдруг снова попадутся мне на глаза, да еще при таких обстоятельствах! Видать, это и правда было predetermined свыше. Сейчас жена стояла, прильнув ко мне, легонечко обхватив меня за руку. Несмотря на возраст, ее переполняли ребячество и юношеская застенчивость.

– Это та самая клятва, так что заруби себе на носу: в этой жизни тебе от нее уже не отречься! – заявила она на полном серьезе, ластясь ко мне игривым птенчиком.

После этого она вынула мобильник и, старательно нацелив камеру, словно полицейский, собиравший улики на месте преступления, сфотографировала надпись. Она также предложила сделать несколько романтических селфи у дерева, чтобы разослать их в кругу однокурсников, которые должны были увидеть, как супруги любят друг друга. Я ощущал себя жутко нескладной фотомodelью, случайно попавшей в руки фотографа, но возражать не возражал.

Когда мы вернулись обратно к нашей компании, все сидели в кругу, разбившись на группки. Кто-то болтал обо всем подряд, кто-то азартно играл в карты: ни дать ни взять собравшаяся на пустыре стая шумных воробьев. Чжоу Цян, подняв голову, бросил раздраженный взгляд в мою сторону:

– Где вас носило? Мы тут ждем вас, чтобы сходить в горы.

Он был одним из инициаторов этой встречи. Не успел я открыть рта, как Чжао Цзянь выпалил, попав в самую точку:

– Эти двое наверняка чем-то таким занимались, глянь-те-ка на их раскрасневшиеся мордахи! Да сто процентов – освежали свои чувства.

От его слов жена совсем засмущалась, щеки ее залились румянцем еще сильнее. Язык у толстяка что помело. Я не нашел ничего лучше, как кольнуть его в ответ:

– Что ж, горы – это замечательно, заодно и жирок можно сбросить.

Чжао Цзянь тут же надул губы и недовольно отмахнулся:

– Если хотите, идите сами, а я лучше покемарю.

С этими словами он сладко зевнул. Несколько человек тут же чуть ли не в один голос отреагировали:

– Ты и так толстый, куда тебе еще спать?

А Чжоу Цян тут же ехидно добавил:

– Горбатого могила исправит.

Сказав это, он хлестко швырнул колоду карт на газету, поднялся, отряхнул штаны и скомандовал:

– Все, кто хочет прогуляться в горы, – за мной!

На его призыв откликнулись почти все, поэтому за исключением Чжао Цзяня и еще парочки таких же лентяев, которые предпочли поспать в палатке, большинство отправилось вслед за Чжоу Цяном.

Эти горы нельзя назвать крутыми, однако из-за того,

что они опоясывали огромное водохранилище, совершенно естественно, здесь стояла сильная влажность, которая создавала сырой и дождливый микроклимат. Здешняя растительность скорее напоминала непроходимую чащу, и чем дальше мы углублялись, тем раскидистее становились оплетающие все и вся ветви деревьев, что тянулись вдоль горной тропы. Они росли и вдоль, и поперек, причудливо цепляясь друг за друга своими колючими ветками. В этом отношении особенно досаждало карликовое дерево под названием ююба: несмотря на небольшие размеры, оно, казалось, отовсюду скалится и выпускает свои когти. Стоило вам оступить, как оно тут же впивалось в ноги и руки своими острыми шипами, отчего вас перекашивало от боли.

Примерно через полчаса такой прогулки многие стали жаловаться, желая бросить эту затею. Всем нам, изнеженным городской жизнью, привыкшим ездить на машинах и подниматься на лифтах, требовался комфорт, никому не приходило в голову сделать лишний шаг, в результате все успели отрастить генеральские животики, нажить неприятности с печенью и высоким давлением, однако урока из этого никто не извлекал. Зато когда мы лазили по горам в тот далекий выпускной, энергия из нас была ключом, каждый боялся быть хуже другого, чтобы его не обсмеяли, более того, чтобы покрасоваться и показать свою силу, парни на некоторых участках горной тропы несли слабеньких девчонок на своих спинах. Да и сам я несколько раз проделывал такой

трюк, как еще иначе можно было быстро завоевать девичье сердце? Вооружившись подобранной где-то толстой палкой, Чжоу Цян энергично махал ею направо и налево, нещадно рубя застилавшие путь ветки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.